

МЕЛИССА МОРАН

ЧУЖАЯ
КОЖА

18+

Hedera Helix

Мелисса Моран

Чужая кожа

«Автор»

2026

Моран М.

Чужая кожа / М. Моран — «Автор», 2026 — (Hedera Helix)

Грейс — опытный реставратор. Она возвращает старой коже жизнь. Не боится ни грязи, ни времени, ни чужих секретов. Но есть вещи, которые нельзя чистить. Вещи, которые должны оставаться в земле. Та самая сумка появилась в пятницу вечером. Чёрная, бесформенная, покрытая серым налётом. Холодная. Липкая. Она пахла не плесенью, а могилой. Тот, кто её принёс был низким, плотным, в пальто цвета мокрого асфальта. Смотрел только сквозь. Губы застыли в механической улыбке, глаза — чёрные, пустые. От него пахло холодом. Пустотой. Ничем. Грейс приняла заказ. Она не знала тогда, что вместе с грязью счищает границу между живыми и мёртвыми. Что сыпь на руках окажется «синдромом чужой кожи» — болезнью тех, кто тревожит склепы. Он сказал: «Я приду». И пришёл. Не за сумкой. За ней. Это история о том, как чужое безумие вползает под кожу — и остаётся там. Даже когда полиция уходит. Даже когда дело закрыто. На запястьях Грейс останется бледный, ветвистый узор. Он не исчезнет никогда.

© Моран М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1: Последний клиент пятницы	6
Глава 2: Экосистема	10
Глава 3: Чужая кожа.	13
Глава 4: Подношение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мелисса Моран

Чужая кожа

Пролог.

Всё проходит. Кожа, выдубленная временем, хранит не только трещины, но и память рук, которые её касались. Иногда — слишком долго.

— из старинного руководства кожевника, 1912 г

Есть вещи, которые не прощают вторжения.

Кожа помнит всё: тепло рук, что её гладили; холод ножниц, что её кроили; пот, вино, слёзы — всё, что проливалось на неё за годы. Она впитывает время и не отдаёт его обратно. Пока кто-то не придёт и не вырвет память силой.

Грейс знала это лучше других.

Она работала с кожей двадцать лет — чистила, зашивала, возвращала к жизни то, что другие выбрасывали. Она привыкла к её запаху, к её капризам, к её молчаливому сопротивлению. Кожа была её стихией. Её языком. Её защитой.

Но есть чужая кожа — та, что слишком долго пролежала в земле. Та, что успела забыть тепло живого тела. Та, что пропиталась не слезами, а тлением.

Такая кожа не лечится. Она заражает.

Глава 1: Последний клиент пятницы

Они думают, что спасают. На самом деле они просто не умеют отпустить. И тогда мёртвые начинают держаться за живых — через вещи, через запах, через зуд под кожей.

— из дневника неизвестного реставратора

Воздух в кожаной мастерской был густым и знакомым — клейкий запах латекса новых перчаток, едкая нота аммиака от очистителя и под ним, как басовый тон, — тёплое, сладковатое дыхание самой кожи: выделанной, обработанной, покорной. Запах порядка.

Грейс провела большим пальцем по краю клапана портфеля, проверяя шов. Работа была почти закончена. Клиентка, адвокат с нервными глазами, принесла реликт восьмидесятых — итальянскую телячью кожу, испещрённую царапинами воспоминаний. Теперь портфель лежал на столе под мягким светом лампы, глухо поблёскивая, как старый коньяк. Не новый. Возвращённый к достойному виду.

— Мишель, ты готова? — не отрывая глаз от шва, спросила Грейс. Её голос в тишине после рабочего дня звучал громче, чем она ожидала.

За стойкой приёмки девушка уже надела куртку и копошилась в рюкзаке. Она была практиканткой из колледжа дизайна, быстрой, смешливой и с обострённым, почти животным обонянием. Говорила, что хочет научиться «чувствовать материал». Пока что она лучше всех чувствовала запах чужого кофе и приближающихся выходных.

— Да, почти. Только ключи найду. Десять минут ещё, да? — Мишель взглянула на часы — большую старомодную стрелку над дверью.

— Десять, — подтвердила Грейс. Она сняла лупу с головы, позволив усталости на мгновение растечься по лицу. Пятница. Тихий вечер. Дом. Душ. Тишина.

Дверь внизу, ведущая в подъезд, с глухим стуком захлопнулась. Шаги по бетонной лестнице. Не быстрые, не медленные. Размеренные, методичные.

— Нашёлся желающий, — проворчала Мишель, но встала и поправила блузку. Профессионализм.

Дверь в мастерскую открылась без стука, и вошёл он.

Первый удар — это всегда запах. Не успел человек переступить порог, а Мишель уже едва заметно сморщила нос. Не пот, не грязь. Что-то другое. Затхлое. Сырое, как в подвале, где годами стояла вода.

А потом уже — он сам. Низкий, плотный, в длинном пальто цвета мокрого асфальта, хоть на улице стояла слякотная, но не холодная осень. Из-под пальца свисала сумка. Чёрная, бесформенная, будто её долго мяли в кулаке.

— Мы закрываемся, — автоматически сказала Мишель, но голос её дрогнул.

Мужчина ничего не ответил. Он подошёл к стойке, поставил сумку на полированную столешницу. Раздался тихий, влажный щелчок. От неё пахло теперь в упор — той самой тяжёлой сыростью, с ноткой чего-то кислого, почти забродившего.

— Мне нужно... — он начал и замолчал, будто забыл слово. Голос был плоским, без интонации. — Починить.

Мишель, поборов отвращение, взяла бланк заявки.

— Ваши данные? И что с вещью?

— Моей дочери, — сказал он, глядя куда-то мимо Мишель, на стену с образцами кожи. — Просто... почистите.

Грейс, наблюдая со своего стола, ощутила лёгкий укол раздражения. «Просто почистите» — эти слова всегда скрывали либо скупого клиента, не понимающего цену работе, либо жуткую проблему. Она подошла, на ходу вытирая руки об тряпку.

— Давайте посмотрим, — её тон был нейтральным, деловым.

Она дотронулась до сумки. И сразу отдернула пальцы. Материал был холодным. Не просто прохладным от улицы, а обжигающе ледяным, будто его только что вынули из морозильника. И липким. И скользким одновременно, как шкура только что пойманной рыбы.

— Фотографию «до» сделаем, — проговорила Мишель, включая планшет. Её пальцы нервно барабанили по краю.

Грейс надела перчатки — толстые, нитриловые. Приподняла сумку. Она была неправдоподобно тяжёлой для своего размера. Ткань, похожая на грубую замшу, была густо усеяна не просто пылью, а каким-то мучнистым, серым налётом. Но главное — края. Они не были порваны или порезаны. Они будто бы... расползались. Волокна топорщились рыхлой бахромой, будто их кто-то долго и методично разжёвывал.

— Это не чистка, — тихо сказала Грейс, глядя на клиента. — Это, возможно, восстановление. Очень сложное. И дорогое. Материал в ужасном состоянии.

Он не ответил. Он просто стоял. Неподвижно. Руки по швам. Взгляд, упёртый в пустоту где-то над её плечом. И на его лице застыла улыбка. Не радостная, не дружелюбная. Механическая. Как будто кто-то крючком приподнял уголки губ и забыл их отпустить.

— Присядете? — неуверенно предложила Мишель. — Чаю? Кофе?

Ни реакции. Только зрачки. Грейс их разглядела теперь, при ярком свете лампы над стойкой. Они были неестественно широки, почти чёрными, поглотившими радужку. Как у ночного зверя или у человека под сильнейшими препаратами.

Тишина повисла тяжёлым, неловким покрывалом. Слышно было, как за окном проехала машина, как капнула вода из крана. Мишель перевела взгляд на Грейс, широко открыв глаза. В них читался чистый, немой ужас. «Выгони его», — говорил этот взгляд. Грейс снова посмот-

рела на сумку. На эту холодную, мерзостную вещь, нарушившую покой её пятницы. Работа есть работа, — сурово сказала она себе. Странные клиенты — часть профессии. Заплатит — уйдёт.

— Хорошо, — выдохнула она, нарушая тишину. — Оставляйте. Предоплата пятьдесят процентов. Мишель, оформляй.

Девушка кивнула, пальцы её затрепетали над клавиатурой. Она продиктовала сумму. Мужчина молча вытащил из кармана пальто толстую пачку наличных, отсчитал купюры, не глядя. Положил на стойку. Его движения были точными, но лишёнными какого-либо смысла, как у автомата.

— Ваше имя и контакты для связи, — спросила Мишель, записывая номер купюр в блокнот.

— Генри Эллиот. Я приду, — сказал он. Это была не просьба, не обещание. Констатация. Словно каждое слово было платным.

И развернулся. И вышел. Дверь закрылась за ним мягко, без звука.

Воздух в мастерской будто сдвинулся, впуслав обратно привычные запахи. Грейс сняла перчатки и выбросила их в мусорный бак для опасных отходов.

— Боже правый, — прошептала Мишель, обхватив себя за плечи. — Что это было? Ты видела его глаза? И этот... этот запах. Как из гроба.

— Преувеличиваешь, — отрезала Грейс, но без обычной твёрдости. — Просто странный тип. Бомж, наверное, нашёл где-то старую рухлядь и возомнил.

Мишель уже стояла в дверях, но не уходила.

— Грейс. — Голос тихий, почти шёпот. — У меня обоняние, помнишь? Это была не просто плесень. Свежая гниль. Как будто кто-то гниёт до сих пор.

Грейс перестала вытирать стойку.

— Иди домой, Мишель. Я её в сейф запру и пойду. С понедельника разберёмся.

Мишель кивнула, но у порога обернулась:

— Ты мне позвони. Если что. Я не из тех, кто бросает.

И вышла.

Грейс осталась одна. Она подошла к сумке. Не прикасаясь, посмотрела на неё. Под светом лампы налёт на ткани отливал синеватым, как плесень на старом хлебе. Холодок от вещи тянулся к ней даже на расстоянии. Она аккуратно взяла её пинцетом и отнесла в сейф, в одну из ячеек, где хранила заказы. Заперла на ключ. Повернула основной выключатель. Мастерская погрузилась в полумрак, освещённая только аварийной лампочкой над дверью.

Спускаясь по тёмной лестнице, Грейс почёсывала тыльную сторону ладони. Кожа там была слегка красноватой и неприятно пощипывала.

«Весь день проработала без перчаток, снова забыла», — подумала она, заглушая мелкую, назойливую тревогу. Завтра пройдёт.

Глава 2: Экосистема

Грязь бывает разной. Есть грязь уличная — её отмывают водой и мылом. А есть грязь могильная — она живёт своей жизнью, разрастается, ждёт. Её не отмыть. Её можно только сжечь.

— из руководства для музейных хранителей, 1937 г.

Понедельник начался с яркого, но бессильного солнца, бесцельно скользящего по стенам мастерской. Грейс пришла рано, пытаясь вернуть пространство под свою власть. Она протёрла все поверхности, проветрила, включила вытяжку.

Но стоило ей открыть сейф — и сырая, гнилостная волна ударила в лицо, перебивая стерильный воздух мастерской. Теперь она различала в этом запахе ноты: мокрая глина, старая штукатурка и сладковатый, тошнотворный оттенок — как букет, забытый в вазе на месяц.

Она выложила сумку на хирургически чистый стол под мощной лампой, сменив тонкие рабочие перчатки на толстые прорезиненные. Перчатки скрипели, цепляясь за липкую поверхность.

«Сначала — диагностика», — прошептала она себе, как мантру.

Стандартный набор не сработал. Специальный очиститель для замши лишь размазал серый налёт, оставив жирные, тёмные разводы. Щётка из конского волоса бессильно скользила, не поднимая грязь. Материал не отдавал ничего. Он лишь молча впитывал химию, становясь ещё более маслянистым и мёртвым на ощупь.

Раздражение Грейс, сначала профессиональное, начало пульсировать тёмным, личным гневом. Эта вещь не подчинялась. Она сопротивлялась. Портила её мастерскую своим присутствием.

— Ладно, — сквозь зубы проговорила она. — Покажем, кто здесь главный.

Она приготовила агрессивный, но проверенный щелочной состав, который использовала для глубокой очистки ремней от машинного масла. Кисточкой, едва касаясь, нанесла его на небольшой участок у дна. И замерла.

Никакой реакции. Ни осветления, ни растворения грязи. Состав будто впитался в бездонную чёрную дыру. А через минуту на обработанном месте проступило... что-то другое. Не чистая кожа, а неровная, рыхлая текстура, усеянная мельчайшими порами. И из этих пор, под лупой, Грейс увидела, как шевелятся, прячась от света, тончайшие, почти прозрачные нити — мицелий. И не только он. Среди волокон копошились микроскопические, червеобразные существа.

Желудок Грейс сжался. Это была не просто грязь. Это была экосистема.

Она отложила кисть, её руки начали дрожать от напряжения. Зуд на тыльной стороне ладони вспыхнул с новой силой, расплзаясь по предплечью горячими иголками. Она с силой почесала кожу, оставляя красные полосы.

Нужен был эксперт. Не по коже, а по... почве.

Она вспомнила про камень. Сначала подумала, что это песчинка, когда выковыривала её пинцетом из шва. Но песчинка не была такой угловатой, не была слюдяным блеском. Грейс завернула её в салфетку, схватила ключи и, не снимая халата, вышла на улицу.

Мастерская Грейс находилась в старом, перестроенном под мастерские, квартале. Через два дома, в подвальном помещении, ютилась лавка «Камень и папоротник», где торговали минералами, старыми картами и странными находками. Хозяина звали Лео, он был бывшим геологом, вечным безумцем и единственным человеком, чья эрудиция иногда пугала Грейс.

Колокольчик над дверью звякнул тревожно. В лавке пахло пылью, камнем и чабрецом. Лео, лысый, с седой окладистой бородой, разбирал коробку с окаменелостями.

— Грейс! — он оглядел её с головы до ног, остановив взгляд на её руках, которые она бессознательно теребила. — Не починается кожа? Или душа?

— Камень, — отрезала она, выкладывая на прилавок свёрток. — Скажи, откуда.

Лео поднял бровь, развернул салфетку. Достал свою лупу — массивную, ювелирную. Минуту молча рассматривал крошечный серый осколок.

— Интересно, — пробормотал он. — Очень интересно.

— Лео...

— Это гранит, — нехотя сказал Лео. — Старый. С карьеров, которые закрыли ещё до войны. — Он помолчал, постукивая осколком по стеклянной витрине. — Такой шёл на облицовку... важных зданий. И не только.

Лео поднял на неё глаза. В его обычно весёлой физиономии вдруг проступило что-то серьёзное, почти тревожное.

— На надгробия, Грейс. И на склепы. Особенно в викторианскую эпоху. На «Холмах Прерий», старом закрытом кладбище — там целые фамильные усыпальницы из этого камня. Его уже лет сто не добывают и не используют.

В лавке стало тихо. Грейс слышала, как где-то капает вода.

— «Холмы Прерий», — повторила она.

— Да. Место мрачное, заброшенное. Склепы там... ну, сама понимаешь, давно стали добычей для мародёров и пристанищем для бомжей. Ты откуда это взяла?

— С работы, — уклончиво сказала Грейс, забирая камень. Сердце стучало где-то в горле. — Спасибо.

— Грейс, — остановил он её, когда она уже взялась за ручку двери. — Если эта «работа» пахнет землёй... старой, могильной землёй — будь осторожна. Иногда в таких местах заводится не только плесень.

Она кивнула, не оборачиваясь, и вышла на улицу. Солнце уже спряталось за тучи. Вернувшись в мастерскую, она первым делом заперла дверь на все замки. Потом подошла к компьютеру.

Запрос: «Холмы Прерий осквернение».

Статьи выскочили сразу. Не свежие новости, а сканы местной газеты пятилетней давности. Чёрно-белые фотографии разбитых мраморных плит, зияющих тёмных провалов склепов. Заголовки кричали: «Некрофагия нового толка?», «Вандалы охотятся за памятью», «Полиция ищет «коллекционера» с кладбища».

Очевидцы, которых цитировали репортёры, говорили об одном: драгоценности не трогали. Забирали личные вещи покойных: медальоны с фотографиями, письма, гребни, кошельки, перчатки. Вещи молодых женщин, умерших в конце XIX — начале XX века.

Грейс откинулась на спинку стула. Воздух в мастерской снова сгустился, стал тяжёлым для дыхания. Она посмотрела на свою руку. Расчёсы вокруг запястья воспалились, образовав мелкую, мокнущую сыпь. Зуд был уже не просто раздражением. Он был навязчивым, требовательным, как сигнал тревоги, вшитый под кожу.

Она знала, что нужно делать: звонить, сообщать. Но её сковывало странное оцепенение. Если она позвонит, эта сумка станет вещественным доказательством. Её мастерскую заполнят полицейские, вопросы, нелепые подозрения. Её имя может мелькнуть в тех же газетах. «Реставратор помогла найти...» или «стала соучастницей». Эти мысли прокатились по телу волной отвращения. Общественные резонансы, острое внимание к ее персоне, публика и проблемы с законом вызывали брезгливость даже больше, чем эта липкая, во всех смыслах, дамская сумочка.

Теперь она понимала, что держит в руках не сложный заказ. Она держала улику. И, возможно, приманку. А тот, кто оставил эту приманку, теперь наблюдал за ней из темноты. И ждал.

Глава 3: Чужая кожа.

Вещь, пролежавшая в склепе столетие, перестает быть просто вещью. Она становится документом. Свидетельством. Иногда — обвинением.

— дневник эксперта-криминалиста, 1924 г

Зуд превратился в пытку. Он горел под кожей, мигрировал от запястья к локтю, заползал под ногти. Сыпь, которую Грейс пыталась игнорировать, расплзлась болезненными красными островками. Сон прошлой ночью был прерывистым и наполненным образами: холодная, липкая ткань, неподвижная фигура в окне, запах мокрой штукатурки и гнили.

Утром она не пошла в мастерскую. Она пошла в поликлинику.

Врач-дерматолог, молодой усталый мужчина в очках, осмотрел её руки без особого интереса, пока не взял дерматоскоп.

— Хм, — произнёс он, и в его голосе появилась профессиональная настороженность. — Интересная картина. Линейные экскориации... папуловезикулярная сыпь... Вы в последнее время контактировали с чем-то необычным? Химикатами? Старыми материалами?

— Я реставратор кожи, — сухо ответила Грейс. — Контактую со всем.

— Это не похоже на стандартный контактный дерматит, — сказал врач, откладывая инструмент. Он посмотрел на неё поверх очков. — У вас случайно не было работы с... сильно старыми вещами? Из земли, например? Археологические находки, вещи с раскопок, или... — он запнулся, подбирая слова, — предметы из старых, сырых помещений. Подвалов. Склепов.

Последнее слово повисло в стерильном воздухе кабинета.

— Почему вы спрашиваете? — Грейс почувствовала, как холодеют кончики пальцев.

— Есть такое профессиональное, неофициальное понятие — «синдром чужой кожи». Комплекс аллергических и токсических реакций на микробный и грибковый коктейль, который десятилетиями формируется на разлагающихся органических материалах. Кожа, дерево, ткани. Часто встречается у не слишком аккуратных археологов, работников музеев с плохой вентиляцией и... — он сделал паузу, — у сотрудников ритуальных служб, которые работают со старыми, заброшенными захоронениями. Споры, бактерии, продукты распада. Мелкие клещи, иногда. Всё это может вызывать такую бурную реакцию.

Он выписал ей мощный антигистаминный препарат и крем с кортикостероидами.

— Избегайте контакта с источником, — сказал он на прощание. — Иначе это может перейти в хроническую форму. И смените перчатки на что-то более герметичное.

Грейс вышла из поликлиники, сжимая в кулаке рецепт. Холодный осенний воздух обжёг лёгкие, но был чище, чем тот, что она вдыхала последние дни. «Синдром чужой кожи». «Склепы». Диагноз врача был последним, недостающим пазлом. Теперь у неё была не просто

догадка, не просто камень и архивные статьи. У неё было медицинское подтверждение того, что вещь в её сейфе была отравлена самой смертью.

Страх сменился чем-то другим. Холодной, острой яростью. На неё навели болезнь. В её священное пространство, в её мастерскую, где она была хозяйкой и волшебницей, впустили заразу.

Она заехала в их с Мишель кофейню. Девушка уже сидела за столиком.

— Ты не звонила, — сказала Мишель, глядя на её руки, спрятанные под стол. — И чешешься. Я думала, нервы. Но это не нервы, да?

Грейс молча положила рецепт на стол. Пересказала диагноз — споры, грибок, синдром чужой кожи.

— Отдай эту вещь в полицию, — твёрдо сказала Мишель. — Я пойду с тобой. Я видела его лицо. Я подтверждаю.

— Ты здесь ни при чём.

— Какая разница?! — Мишель схватила её за запястье выше сыпи. — Я была там. Я смотрела в его глаза. Если с тобой что-то случится, я себе не прощу!

Грейс помолчала. Потом кивнула.

— Ладно. Ты — мой внешний наблюдатель. Если не выхожу на связь больше часа — звони в полицию.

Грейс вернулась в мастерскую среди бела дня, как на поле боя. Она не смотрела на окна напротив. Она включила все лампы, надела две пары перчаток — тонкие хлопковые под толстые нитриловые. Достала сумку. Теперь она смотрела на неё не как на проблемный заказ, а как на противника. И на улику.

Грейс решила пойти на отчаянный шаг. Применить «тяжёлую артиллерию» — концентрированный кислотный состав для удаления введённых органических загрязнений с пергамента. Рискованный, может сжечь материал дотла. Но ей было уже всё равно. Ей нужно было докопаться до сути, до костяка этой вещи.

Она нанесла состав на самый повреждённый, «разъеденный» бок, там, где кожа была особенно рыхлой. И отошла, засекая время по секундомеру.

Сначала ничего. Потом поверхность начала пузыриться, издавая тихое, зловещее шипение. Из пор полезли чёрные, жирные пузырьки. Запах усилился в сто раз — теперь это был запах гниющего мяса и химического пожара. Грейс, стиснув зубы, продержалась ровно столько, сколько было нужно по инструкции.

Затем — экстренная нейтрализация. Промывка. И... обнажение.

Кислота сожгла верхний, прогнивший слой кожи, как хирургический скальпель. Под ним открылся не грунт, не тканевая основа, а тусклый, покрытый коррозией металл. Каркас сумки.

И на небольшой, изогнутой металлической пластине — пряжке, скрытой столетием под материалом, — проступили буквы.

Грейс схватила лупу, протёрла пластину спиртом.

Надпись, выгравированная изящным, старомодным, с засечками шрифтом, читалась с трудом, но читалась:

А.М. 1894

Грейс выронила лупу. Она отступила от стола, натываясь на табурет. Воздух выходил из её лёгких короткими, прерывистыми рывками.

Это было не просто имя из архива. Это было прямое обращение. Послание с того света, вправленное в вещь. На память. Память, которую кто-то решил украсть, вырвать из гнилой плоти сумки, и которая теперь, спустя сто с лишним лет, смотрела на Грейс своими стёртыми буквами.

Она не пошла домой. Она пошла в архив городской библиотеки — мрачное здание с витражными окнами, пахнущее пылью и старыми чернилами. Запросила оцифрованные записи актов гражданского состояния за конец XIX века. Имя «Алисия Мортон» нашлось быстро, как будто ждало её.

Мортон, Алисия Джейн. Род. 12 мая 1872. Ум. 17 октября 1898. Причина: тиф. Место погребения: кладбище «Холмы Прерий», сектор 7, семейный склеп №14.

На экране мерцала строчка. Девушка. Двадцать шесть лет. Тиф. Таких записей были тысячи. Но для кого-то эта запись стала не концом, а началом охоты.

Теперь у призрака в сейфе было имя, дата и адрес.

Глава 4: Подношение

Ты вырастешь и поймёшь: вещи — это не главное. Главное — кто их носил. Но если того человека уже нет... вещи остаются единственным, что можно обнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.